

УДК 172.1;14

**РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Е. А. Антонов, А. Е. Таранова

*Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина*

Поступила в редакцию 22 июня 2018 г.

Аннотация: в статье анализируется проблема, связанная с выработкой нового формата отношений между государством и человеком. Отмечается, что в условиях глобализации происходят трансформация и атомизация традиционных принципов государственности, что позволяет фиксировать феномены, свидетельствующие о кризисе государства и государственного управления. Это обусловлено тем, что унификация одних оснований государственной жизни (правовых, политических, экономических) неминуемо влечет изменение других (культурно-антропологических). Авторами обосновывается антропологическая концепция государственного управления, утверждающая инвариантные принципы консолидации и солидаризации государства, человека, общества. Это имеет эвристическую значимость в условиях поиска баланса между глобальным и региональным в практике решения проблем будущих антропологических форматов государства, как в России, так и западных демократиях.

Ключевые слова: государство, государственное управление, государственность, антропология, антропологические константы, антропология государства, глобализация, мультикультурализм, человек, общество, Россия, Запад, постклассическая методология, этническая группа.

Abstract: the article analyzes the problem associated with the development of a new format of relations between the state and man. It is noted that in the context of globalization there is a transformation and atomization of the traditional principles of statehood, which allows to fix the phenomena that testify to the crisis of the state and public administration. This is due to the fact that the unification of some bases of state life (legal, political, economic) inevitably entails a change in others (cultural and anthropological). The authors substantiate the anthropological concept of public administration, asserting the invariant principles of consolidation and solidarity of the state, man and society. This is of heuristic importance in the search for a balance between global and local in the practice of solving the problems of future anthropological formats of the state, both in Russia and Western democracies.

Key words: state, state administration, statehood, anthropology, anthropological constant, anthropology of state, globalization, multiculturalism, man, society, Russia, West, post-classical methodology, ethnic group.

Проблема реконструкции антропологических констант государства и государственного управления в современных политических и социокуль-

турных условиях не только существенно актуализируется, но и получает новое содержание. Это обусловлено тенденциями глобализационных процессов, моделирующих единое социальное пространство, в котором традиционные этнокультурные скрепы замещены экономическими и политико-правовыми, в свете чего национальный и культурно-цивилизационный фактор уже не рассматривается как ведущее основание для выстраивания внешне и внутригосударственных связей. Это отмечают ведущие философы, государствоведы, социологи, в частности, М. Абелес, Б. Бади, П. Бирнбаум, Ю. Хабермас [1–4]. Унификация этнокультурных ценностей как традиционной основы идентификации и оформления типов государственности на фоне мультикультурализма, «уничтожения» национальной политики и международного права разрушает целостность общества и способствует «атомизации» связи человек-государство¹, что заставляет осуществлять поиск новых оснований для консолидации.

Кардинальные изменения, которые происходят сегодня в государствообразующих системах, свидетельствуют о начале кризиса ряда традиционных антропологических форматов государства и государственного управления (например, формат национального государства сегодня утрачивает статус универсальной формулы государственного строительства). В условиях глобализации фиксируется не только изменение значимости понятия государственного суверенитета (как внешнего, так и внутреннего)², но и наступление на связь государства с нацией (традиционным носителем социокультурной и гражданской идентичности) и территорией [7, с. 21]. Происходит постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень, что со-

¹ Начало раскола объединительно-деонтологической стратегии государственности относят еще к европейскому Средневековью. Уже тогда складывались предпосылки для смещения акцентов при понимании государства с концепта «общего блага» на концепт «учреждения» [5]. Доктринально данная тенденция фиксируется Н. Макиавелли, в творчестве которого на основе десакрализации государства складывается традиция «государственного эгоизма», по-новому осмысливающая формат отношений между государством и человеком и «прокладывающая дорогу» концепциям минимального государства. В Новое время, несмотря на то что государство и нация на основе экономических и политико-правовых принципов сплотились в национальное государство, разделение государства и общества, с одной стороны, и моральная индивидуализация общества – с другой, – только усиливались. В условиях перехода от регионального к глобальному миру процесс атомизации связи государства и человека только усиливался.

² Так, Ж. Маритен пишет, что по мере того, как выявлялись важнейшие проблемы, относящиеся к международному праву, споры о суверенитете государства, рассматриваемом в аспекте межгосударственных отношений, становились более глубокими и широкими. Был поставлен вопрос о том, кто является подлинным носителем суверенитета – международное сообщество как целое или отдельные государства. Анализируя проблемы суверенитета с философско-политических и лингво-когнитивных позиций, Ж. Маритен приходит к выводу, что само понятие «суверенитет» не соответствует тому содержанию, которое приписывается ему в современном мире [6].

проводится снижением возможностей координации экономических, политико-правовых, социокультурных, демографических, миграционных процессов в соответствии с национальными внутривнутриполитическими интересами (глобальное мировое сообщество становится мощным фактором трансформации государственности и моделей государственного управления)³. Серьезным вызовом национальным государствам Запада и государствам не-западного мира является политика мультикультурализма, которая в условиях глобализации часто используется как технология децентрализации глобального пространства (деление на центр и периферию), деконструкции сложносоставных европейских государств (мультикультурная дифференциация гражданского общества), инструмент дестабилизации не-западного мира как «мировой периферии», искусственной трансформации культурно-антропологических принципов ментальной реальности государств. Рассуждая о возможных дальнейших метаморфозах национального государства, исследователи всё чаще говорят о «разрыве государствообразующей связи» (П. Бирнбаум), «закате национального государства» (М. Абелес), прогнозируют падение государственных границ и суверенитета, отмирание национального государства как такового, путем его упразднения или слияния, замены спонтанным управлением «невидимой рукой» (Ю. Хабермас).

Вместе с тем потенциал государства, в частности национального государства, сегодня не исчерпан. Новое прочтение антропологических констант государственности, соответствующих определенным культурно-цивилизационным типам, качественная трансформация модели государственного управления в меняющихся социокультурных условиях способны стать ответом «на сетования Ф. Фукуямы о “последнем человеке”, О. Шпенглера – о закате европейской культуры, Ю. Хабермаса – о сетевых отношениях взамен общеправовым и государственным ...» [3, с. 10].

В свете реконструкции понимания государства как основы социальной идентичности и культурно-исторического феномена важнейшей задачей государственного управления является радикальное переосмысление проблемы интериоризации и формирования образа и ценностей государства и государственной жизни на уровне отдельного человека, так как «западная модель социализации и инкультурации основана на принципах постмодернистского либерализма и представляет собой стратегию радикальной индивидуализации, включающую следующие принципы: освобождение индивида от традиции; освобождение индивида от государства; освобождение индивида от общества; освобождение индивида от пола» [9, с. 7].

³ Ситуация при этом осложняется тем, что, по замечанию В. В. Оглезнева, «различия между “своими” и “чужими” делами, внутренними политическими проблемами и внешними вопросами, суверенными делами национального государства и международными соображениями провести не так просто», новые социальные технологии, направленные на ускорение политической глобализации «предполагают исключение территориального признака из понятия политической власти» [8, с. 167–168].

В условиях российской специфики подобные тенденции должны были иметь наиболее разрушительные последствия, поскольку основа его бытия традиционно выстраивается на единстве территории и многонационального народа, поддерживаемом государством. Территориальный, природно-антропологический факторы для нее традиционно являются решающими. Идеи единства и целостности, наравне с такими константами, как нравственное служение, сильная власть как способ реализации духовно-нравственной миссии государства и сохранения целостности предстают как доминантная ценность и важнейшая задача российской государственности.

Несмотря на искусственное «снижение» значимости государства в условиях политической и цивилизационной глобализации, оно остается «призванным создать свой противовес – гражданское общество (сохранить и повысить его человеческий потенциал – Е. А. Антонов, А. Е. Таранова), возродившись таким образом в форме правового (солидарного – Е. А. Антонов, А. Е. Таранова) государства» [5, с. 5] и ответственным за преемственность по отношению к национальному прошлому и за конструирование проекта будущего.

Становление качественно нового этапа в развитии современных государств, обусловленного глобализационными процессами, характеризуется кризисом прежней системы государственного управления и всплеском особого рода социальной активности – политическими сообществами предлагаются новые концепции общественного и государственного устройства и формы управления. Особенно значимой эта проблема становится при сравнительном изучении опыта использования антропологических, этнических знаний в системе государственного управления в различных странах и международных межгосударственных образованиях типа ЕС, ЕВРАЗЕС и др. Данные процессы мы можем наблюдать и в современной России.

Сложность государственного управления в России традиционно обусловлена обширностью территории и полиэтничностью (природно-географическим и антропологическим факторами). Основой территориального устройства России как федеративного государства являются принципы и административно-территориального и национально-территориального деления. Так, в Конституции Российской Федерации зафиксировано: «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [10]. В положении о государственном управлении подчеркивается, что именно «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [там же]. В качестве высшей ценности рассматривается человек (как капитал общества и государства), а соблюдение и защита прав и свобод человека, создание условий для развития его социального и культурного потенциала являются миссией государства и целью государственного управления.

В связи с поисками адекватного понимания и использования категории «государственное управление» в российской юридической науке воз-

ник ряд проблем. Если в Конституции (Основном законе) РСФСР 1978 г. [11] содержится понятие «государственное управление», то в современной Конституции Российской Федерации данное понятие отсутствует, а вместо него введено новое – «исполнительная власть». В связи с этим некоторые юристы ставят вопрос: «Означает ли это, что государственное управление впредь не существует или же налицо терминологическая реформация?» [12, с. 13]. Более категорично по этому вопросу высказывается И. Л. Бачило, отмечая, что «за последнее десятилетие сам термин «государственное управление» подвергся остракизму, и многое уже осмысленное в этой области не получило развития и адаптации к новым условиям» [13, с. 60].

Сегодня ситуация с использованием рассматриваемого понятия резко меняется, и можно надеяться на то, что понятие «государственное управление» в новых социально-политических условиях получит содержательное развитие с учетом его антропологических параметров. Процесс формирования современной антропологической концепции государственного управления осуществляется в контексте перехода от классического понимания государственного управления к постклассическому. Решение поставленных задач предполагает, прежде всего, выяснение сущности и содержания категории «государственное управление». Обращение к реальной юридической практике показывает, что понятие «государственное управление» остается базовой категорией такой науки, как административное право, а ее научное использование в других науках вполне правомерно. Так как государственное управление, представленное социальными, политическими, правовыми институтами является основной, наиболее «ощутимой» влиятельной формой социального управления в целом. Его содержательную сторону обычно описывают как целевую функцию государства по установлению контроля над общественными ресурсами для поддержания консенсуса интересов и мобилизации этих ресурсов. Так, Г. В. Атаманчук полагает, что «государственное управление – это практическое, организующее и регулирующее воздействие государства (через систему своих структур) на общественную и частную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочивания, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу» [14, с. 62]. Это определение базовое, включает не только властные веления, но и публичные услуги как инструмент воздействия на индивидов и различные этнические объединения. Кроме этого «государство, как юридическое устройство, не только препятствует правонарушениям, но и гарантирует созидательность возможностей каждого из нас» [15, с. 36]. В этом и состоит его двоякое социальное назначение. Г. Н. Архипова отмечает, что «участие в системе властных отношений народов России исторически является одним из актуальных вопросов при формировании органов государственной власти и местного самоуправления» [16, с. 3].

В настоящее время в западной и отечественной литературе активно обсуждается проблема формирования новой парадигмы государствен-

ного управления, систематизирующим фактором которого должно стать «человеческое измерение». Учет антропологического фактора в структуре государственного управления составляет сложнейшую проблему, от решения которой зависят как внутренняя, так и внешняя политика многих современных государств, формат трансформации межгосударственных институтов. Поэтому особое значение приобретает вопрос проявления национального эгоизма и альтруизма в государственном управлении. К сожалению, следует признать, что эта проблема находится на начальной стадии своего решения. Вместе с тем ее решение позволит избежать многих негативных проблем в условиях трансформации государственности и межгосударственного пространства.

Суть антропологического подхода в государственном управлении заключается в ориентации на те характеристики и принципы, которые имманентно присущи самому объекту управления: на самих людей, образующих конкретно-исторические сообщества, что «...позволяет раскрыть творческий потенциал процесса управления, без которого оно превращается в неэффективные «механические усилия», в простое приложение власти» [17, с. 88]. При этом главное – не интенсификация внешнего управляющего воздействия, а согласование его с собственными тенденциями самоструктурирования (саморазвития) государственных образований. Именно антропологические параметры государства следует рассматривать как содержательные границы современной государственности.

Так, Г. Р. Латфуллин называет антропологию гуманитарной технологией XXI в., отмечая, что «управленческая антропология рассматривает вопросы воздействия и взаимодействия субъекта управления с учетом антропологических характеристик объекта ...» [18, с. 97]. Действительно, при создании новых концептуальных моделей государственного управления возрастает значимость учета объекта управления, человеческого фактора. При этом важно исходить из определенной типологии антропологического фактора: индивид, личность, семья, тейп, – а также таких общностей, как этнос, нация и народ, и на их основе вырабатывать различные принципы и формы национально-государственного управления. Особенно это значимо для России как многонационального государства, находящегося сегодня в процессе реформирования. С. А. Сидоров и И. Л. Честнов отмечают «изучение теории управления принципиально важно <...> прежде всего для анализа государственных реформ. В связи с этим необходимо попытаться представить состояние и перспективы современной теории управления» [19, с. 4]. И далее они отмечают, что «антропологический подход предполагает анализ системы управления с позиции действующего субъекта, с точки зрения того, как воспринимается управление государственным служащим и одновременно гражданином, выступающим объектом управленческого воздействия» [там же, с. 10].

Становление в условиях постклассической науки «таких новых для России научных направлений, как антропология организаций, государственного управления и администрирования...» [20, с. 32], обусловлено

способами конструирования современной социальной реальности и интерпретации информации (номиналистическими по своей сути, ориентированными на сознание, мышление, ценности человека), среди которых ведущими являются пространственно-иллюстративные и лингвокоммуникативные. При создании системной концепции правового регулирования российского государственного управления необходимо, на наш взгляд, включить в нее учет российского полиэтнического антропологического фактора как в классическом, так и постклассическом вариантах.

Государственное управление в России имеет многовековую историю, в которой просматривается набор определенных антропологических констант, постоянно действующих тенденций. Россия практически всегда (за исключением периодов смут, гражданской войны) имела централизованное государственное управление. Соотношение властно-управленческих функций (принятие, выработка решений) было смещено в сторону центра, где в свою очередь всё или почти всё сосредоточивалось вокруг одного лица и непосредственно работавшего на это лицо аппарата. В таком контексте практически не возникал вопрос об ином, более рациональном перераспределении власти между центром и провинциями. Последним отводилась роль непосредственного исполнителя решений центра; исполнение этих решений было главным критерием оценки эффективности действий местных управленческих фигур (наместников, воевод, губернаторов, первых секретарей).

Сегодня в России возникла другая ситуация. Как отмечают Е. Н. Атарщикова и Е. Г. Пономарев, «для российского многонационального федеративного государства, которому присуще разнообразие духовных, культурных, конфессионных и правовых традиций, – изучение и применение принципов антропологии особенно важно» [21, с. 32]. Именно практическая реализация достижений антропологии как междисциплинарной методологии в государственно-управленческой деятельности способствует возникновению такого важного направления, как антропология государственного управления. Применение ее методологических принципов способствует обоснованию процесса формирования механизмов «человеческого измерения» государственного управления. Это позволяет, во-первых, обосновать личностные аспекты механизма формирования «человеческого измерения» государственного управления через призму интересов как непосредственных источников, так и субъектов управления; во-вторых, акцентировать внимание на этнических и национальных особенностях как управляющих, так и управляемых, и, в-третьих, учитывать полиэтнические особенности в осуществлении государственного управления.

Вместе с тем по поводу эффективности использования антропологических знаний в системе российского государственного управления среди ученых, занимающихся политической антропологией, не существует единого мнения. Интересной и, на наш взгляд, довольно противоречивой является позиция В. В. Бочарова, рассуждающего о государственном управлении в России и западных странах. В частности, характеризуя

теоретическое осмысление практического опыта европейцев в организации системы колониального управления на «заморских территориях», он приходит к следующим выводам: «ученые-антропологи непосредственно участвовали в организации колониального управленческого процесса, были введены в штат администраций как “государственные антропологи”. Их задачей являлось консультировать администраторов о возможных последствиях принятия тех или иных управленческих решений, т. е. прогнозировать реакцию культуры “туземцев” на эти решения» [22, с. 11]. Он считает также, что в России, «несмотря на богатые колониальные традиции, этот опыт не получил научного осмысления» [там же]. В частности, осуществляя сравнительный анализ положения государственного антрополога на Западе и в России, В. В. Бочаров делает вывод не в пользу России. При таком подходе упускается действительное различие между западноевропейской и российской колонизациями. Как указывает Р. Ш. Гарипов, «в отличие от многих колониальных держав Запада, российская колонизация была направлена не на уничтожение и искоренение населения колонизируемых земель, а на его «природнение», превращение «чужих» в «своих»» [23, с. 11]. Важно признать также, что эта черта российской колонизации способствовала не только сохранению национальных обычаев и традиций, но и поднятию присоединенных к России народов на более высокий уровень культуры.

Очевидно, что В. В. Бочаров не достаточно учитывает специфику типов семьи в России и на Западе. Например, современный французский историк, антрополог и журналист Э. Тодд подчеркивает, что в России при создании различных государственных форм учитывались этнокультурные особенности населяющих ее народов. Рассматривая тип государства как производное от этнографии семейных отношений, он отмечал, что именно антропологический тип формирует социальную систему (государственно-правовую систему), которая либо поощряет, либо не поощряет уважение к власти вообще и к власти государства в частности [24, с. 28–30, 75–76]. Но для того чтобы власть главы семьи распространилась и на всех членов государства, требуются особые социокультурные условия.

В свете данного утверждения вряд ли можно согласиться полностью с точкой зрения В. В. Бочарова по поводу якобы игнорирования российской властью антропологических данных. В. И. Спиридонова отмечает, что «российская имперская модель строилась по образцу и подобию византийского царства. Сущность византийской культуры определялась сочетанием самых разнородных направлений, шедших с Востока... Византийский “симфонизм”, будучи унаследован Россией как принцип, трансформировался в государственно-объединительную задачу русского народа (государственного управления – Е. А. Антонов, А. Е. Таранова). При расширении на Восток русские не вытесняли и не подчиняли местное население механически и агрессивно, а напротив, перенимали его привычки и обычаи, вживались в новую среду, одновременно приобщая жителей к своей культуре» [5, с. 111].

Более обоснованной является точка зрения В. А. Тишкова, считающего, что «адресатом профессиональной деятельности этнографа в советский период были “структуры власти”, а также рационализация и гуманизация систем управления ... с оказанием рекомендательного содействия правящим элитам в проведении национальной политики, предотвращении или разрешения конфликтов» [25, с. 13]. При этом следует учитывать и те перегибы в области национальной политики, которые имели место как на государственном, так и на региональном уровнях.

Учет специфики антропологического фактора не только российского государства, но и других стран позволил И. А. Ильину заявить в свое время, что «нет ничего опаснее и нелепее, как навязывать народу такую государственную форму, которая не соответствует его правосознанию (например, вводить монархию в Швейцарии, республику в России, референдум в Персии, аристократическую диктатуру в Соединенных Штатах и т. д.)» [26, с. 44]. Сравнивая различные типы правосознания, он отмечал, что «монархическое правосознание склонно к семейственному созерцанию государства и к отеческому осмысливанию верховной государственной власти... Республиканское правосознание постепенно теряет идею родовой сопринадлежности, чувство кровной связи через общего предка. Оно несет с собой идею кровно-несвязанной совокупности, идею множества “рядом – жителей”» [там же, с. 40]. Эти идеи И. А. Ильина весьма значимы. Как показывает история, все попытки западных стран установить свои формы государственного управления в арабских и азиатских странах заканчиваются провалом и тяжелыми бедствиями для соответствующих народов.

При интерпретации процесса государственного управления методологические различия обычно сводятся к рассмотрению соотношения рационального и нерационального в понимании государства. Между тем формирование постклассического подхода в исследовании государства способствовало утверждению преобладающей установки на технологизацию. Исследование природы государственного управления и его особенностей показывает, что сегодня необходимо опираться на новый подход в понимании взаимодействия государства и человека, который состоит в конкретно-историческом антропологическом измерении государственного управления. Это означает, что в России начинает формироваться человекоориентированная технологизация государственного управления [27, с. 118–129].

Анализируя проблему, непосредственно связанную с практическими потребностями по управлению полиэтничным обществом, В. А. Тишков утверждает, что культурное многообразие современного государства не может игнорироваться системой управления и этноконфессиональный мониторинг необходимо осуществлять на различных уровнях: 1) общегосударственном, 2) региональном и 3) местном, – подчеркивая его важность для решения управленческих задач. Особое значение имеет учет специфики антропологического фактора на уровне регионального и местного самоуправления. Как справедливо отмечает А. А. Акмалова,

«реализация этнического фактора в особенностях местного самоуправления обусловит наряду с другими механизмами решения проблемы ослабления напряженности в области междисциплинарных отношений» [28, с. 4]. Для этого необходима разработка моделей, учитывающих специфику как регионального, так и местного самоуправления.

Таким образом, в условиях антиномичности современной политической и цивилизационной глобализации, которая проявляется в специфическом сочетании интеграционных и дезинтеграционных процессов и сил: чем стремительней и неотвратимей процесс унификации и корпоративизации политико-правовой, финансово-экономической систем, тем глубже становятся межкультурные, межкультурные, межконфессиональные расхождения, являющие собой предвестники «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) [29]. Ни мультикультурализм, ни прагматизм, ни продолжающиеся попытки унификации экономических и этносоциальных основ жизни, приводящие к деформации модусов социального и духовного бытия, уже не выглядят как конкурентоспособные политико-идеологические перспективы и альтернативы для человека, общества, государства [27; 30].

В свете поиска новых моделей консолидации современного государства (в частности на основе принципов солидарности) в России, западных демократиях, в социокультурных процессах которых просматриваются симптомы «культурной травмы», целесообразно разрабатывать прогностическую концепцию антропологии государственного управления, учитывающую свойства и особенности как этнических образований, так и отдельных людей, направленную на реконструкцию антропологических констант государственности и их трансформацию на принципах культурного консерватизма и культурно-цивилизационной идентичности, что позволит сочетать как современные мегатренды существования, так и исторический национальный опыт. Эти тенденции будут определять формат будущей исторической стратегии.

Литература

1. *Абелес М.* Политическая антропология : новые задачи, новые цели / М. Абелес // Международный журнал социальных наук. – 1998. – № 20. – Т. VI. – С. 27–44.
2. *Бади Б.* Переосмысление социологии государства / Б. Бади, П. Бирнбаум // Международный журнал социальных наук. – 1994. – № 4. – С. 17–36.
3. *Тихомиров Ю. А.* Государство / Ю. А. Тихомиров. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 320 с.
4. *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство : его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. – М. : Праксис, 2002. – С. 364–380.
5. *Спиридонова В. И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли / В. И. Спиридонова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2008. – 186 с.

6. *Маритен Ж.* Человек и государство : переводное издание / Ж. Маритен. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
7. Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. В. Н. Шевченко. – М. : ИФ РАН, 2009. – 214 с.
8. *Оглезнев В. В.* Трансформация государственной власти в условиях глобализации : социально-философский анализ / В. В. Оглезнев // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 2 (3). – С. 165–173.
9. *Золкин А. В.* Цивилизационная парадигма социализации и инкультурации молодежи : философские аспекты / А. В. Золкин // Социально-гуманитарное обозрение. – 2017. – № 1. – С. 7–10.
10. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 3.
11. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.
12. *Попов Л. Л.* Административное право России : учебник / Л. Л. Попов, Ю. И. Мигачев, С. В. Тихомиров. – М. : Проспект, 2010. – 752 с.
13. Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития : к 80-летию Института государства и права РАН / А. С. Автономов, И. Л. Бачило, А. А. Бондаренко [и др.] ; отв. ред. Н. Ю. Хаманева. – М. : Новая правовая культура, 2004. – 568 с.
14. *Атаманчук В. Г.* Теория государственного управления / В. Г. Атаманчук. – М. : Омега-Л, 2004. – 301 с.
15. *Капитонов С. А.* Конституция как средство обеспечения юридической соразмерности государственного устройства / С. А. Капитонов // Вестник Томск. гос. ун-та. Серия: Право. – 2012. – № 3(5). – С. 33–38.
16. *Архипова Г. Н.* Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Г. Н. Архипова ; Рос. акад. Гос. службы при Президенте РФ. – М., 2006. – 28 с.
17. *Семенова С. А.* Организация и управление как антропологическая и социально-философская проблема / С. А. Семенова // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 4 (4). – С. 88–90.
18. Право и закон : история, теория, практика / С. Г. Киселев [и др.] ; под ред. С. Г. Киселева ; Гос. ун-т управления, каф. теории и истории гос. и права. – М. : МАКС Пресс, 2015. – 329 с.
19. Механизм государства : классическая и постклассическая парадигмы / С. А. Сидоров [др.] ; под ред. С. А. Сидорова, И. Л. Честнова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 218 с.
20. *Соколовский С. В.* Дисциплинарная структура российской антропологии и развитие новых направлений / С. В. Соколовский // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. – М. : ИЭА РАН, 2016. – С. 31–52.
21. *Атарщикова Е. Н.* Право и его антропологические черты / Е. Н. Атарщикова, Е. Г. Пономарев // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 4 (9). – С. 30–33.

22. Бочаров В. В. Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии : в 2 т. / В. В. Бочаров. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – Т. I. Власть в антропологическом дискурсе. – 493 с.

23. Гарипов Р. Ш. Устав «Об управлении инородцев» 1822 г. / Р. Ш. Гарипов // История государства и права. – М. : Юрист, 2010. – № 23. – С. 10–12.

24. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца / Э. Тодд. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 240 с.

25. Тишков В. А. Советская этнография : преодоление кризиса / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 1. – С. 5–20.

26. Ильин И. А. О монархии и республике / И. А. Ильин // Вопросы философии. – 1991. – № 4. – С. 37–44.

27. Человек и государство в XXI веке : метафизические и феноменологические аспекты / под ред. А. А. Мерцалова, Г. Я. Узилиевского. – Орел : ОРАГС, 2008. – 210 с.

28. Акмалова А. А. Особенности местного самоуправления в Российской Федерации : теория вопроса и опыт правового регулирования / А. А. Акмалова. – М. : Прометей, 2002. – 356 с.

29. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студ. вузов / сост. Б. С. Ерасов. – М. : Аспект пресс, 1998. – С. 508–517.

30. Антонова Е. Л. «Модели» мультикультурализма и методологические возможности их приложения к условиям современной многонациональной России (опыт концептуальной реконструкции) / Е. Л. Антонова, А. Е. Таранова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 8 (70). – С. 19–24.

31. Федотова В. Г. Национальное государство и капитализм : проблемы и перспективы / В. Г. Федотова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2016. – № 4. – С. 65–80.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Антонов Е. А., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: e.antonov031@yandex.ru

Тел.: 8-961-164-80-31

Таранова А. Е., кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: taranova.bsu@yandex.ru

Тел.: 8-905-677-73-70

Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry of Russia named after I. D. Putilin

Antonov E. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Humanities and Social-Economical Disciplines Department

E-mail: e.antonov031@yandex.ru

Tel.: 8-961-164-80-31

Taranova A. E., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Humanities and Social-Economical Disciplines Department

E-mail: taranova.bsu@yandex.ru

Tel.: 8-905-677-73-70